

Katalin Pelczéder

✉ pelczederk@gmail.com

🆔 <https://orcid.org/0000-0003-1132-349X>

🏠 University of Pannonia

🌐 Veszprém, Hungary

🔗 <https://doi.org/10.4467/K7501.45/22.23.18068>

Венгерско-славянские языковые контакты в Карпатском бассейне (на основе топонимов одной ранней грамоты)

Аннотация

Периодом самых интенсивных венгерско-славянских контактов считаются X–XI века, на что указывают многочисленные заимствования из славянских языков. Большинство слов, носивших субстратный характер, пришло в венгерский язык из языков славян, заселявших некоторые ареалы Карпатского бассейна и впоследствии ассимилированных. Однако в XI веке процесс ассимиляции еще не закончился, и заселение новых славянских групп тоже продолжалось. Такая языковая ситуация, характерная для XI века, естественно отражается и в ранних географических названиях, и способствует ее более полному описанию.

Главным источником моего исследования является ранний памятник венгерской письменности, а именно перепись, написанная по-латински и составленная в бенедиктинском монастыре местности Баконьбель. Грамота, содержащая 112 топонимов, большинство которых находилось в Задунавье, где славяне уже жили и до завоевания родины венграми, возникла в 1086-м году.

В своем исследовании я придерживалась принципов исторической реконструкции топонимов. Такое многогранное исследование имеет несколько преимуществ перед методикой традиционной этимологии, которые особенно важны для языковой и этнической реконструкции. Я также сравниваю мой результат с топонимическим материалом семи других недавно проанализированных дипломов XI века. На основе изучения географических названий нельзя ожидать точного ответа на вопрос, какой этнос заселял данную территорию и какова была его численность, однако можно сделать выводы о том, кем были даны названия и кем они могли быть использованы во время написания грамоты. Это значит, что топонимы этой грамоты XI века могут служить важным источником масштаба славянского языкового влияния того времени.

Ключевые слова

венгерско-славянские языковые контакты, XI век, грамота, историческая реконструкция топонимов, реконструкция этнических и языковых отношений

Abstract

Hungarian-Slavic language contacts in the Carpathian Basin (based on toponyms of one early charter)

The most intensive period of Hungarian-Slavic contact was the 10th–11th century, which is confirmed by the considerable number of Slavic loanwords from this period. Most of the words were found in some areas of the Carpathian Basin and later assimilated into Hungarian as substrates. The linguistic assimilation of the Slavs was probably not complete in the 11th century and more Slavic migrants settled later in the area. This linguistic situation is reflected in the toponymy; consequently, early place names can help us to map the language picture of this period.

The main source of the study is an early document of importance for the history of Hungarian, the census of the Benedictine monastery in Bakonybél in Latin. The document was written in 1086 and includes 112 place names. Most of the places mentioned in the document can be found in the Transdanubian region where Slav people lived already before the Hungarian conquest.

In the article I use the principles of historical place name reconstruction. There are many advantages of this multidimensional analysis, as opposed to the traditional etymological method, and it is particularly important in linguistic and ethnic reconstruction. The results are compared to the place name material of seven other documents from the 11th century. The analysis of these place names does not reveal the timing and the ratio of ethnic groups living in the area; however, we can find out who could have given these names and who was using them at the time of the writing of the document.

Keywords

Hungarian-Slavic language contact, 11th century, document resources, historical place name reconstruction, linguistic and ethnic reconstruction

1. Введение

С XI века, первого века венгерской письменности, сохранилось несколько (меньше десяти) подлинных дипломов, подходящих для лингвистических и ономастических исследований. В своей статье занимаюсь топонимами и языковыми слоями ранее не исследованной переписи Баконьбельсого бенедиктинского монастыря, 1086 года. В ходе анализа уделяю внимание линии исследований, которая вот уже в течение полутора десятилетий занимается источниками XI века. С другой стороны, используя принципы реконструкции исторических топонимов, пытаюсь оттенить результаты традиционного этимологического анализа, включая возможность использования аналогичных исследований для получения выводов о языковых условиях данной области.

2. Роль географических названий в исследовании языковых условий – в особенности дипломов XI века

В изучении этнических отношений Венгрии XI века исторические и лингвистические исследования могут быть хорошо скоординированы. Этническая принадлежность определяется с учетом нескольких факторов – лингвистических, культурных, антропологических, сознательных – вместе, поэтому язык является лишь одним из ее компонентов. Историческая наука часто полагается на лингвистические методы для изучения этнического состава Венгрии XI века, оправдывая это тем фактом, что об этом единственном компоненте этнической принадлежности имеются материалы данного периода (см. Kristó, 2000, сс. 11, 41). Однако если с помощью лингвистического анализа источников мы можем узнать о языковых отношениях исследуемого периода, выводы об этнических отношениях нужно делать с осторожностью.

С точки зрения лингвистики, имена нарицательные, антропонимы и топонимы также имеют исходное значение, но роль географических

названий особенно, поскольку они могут быть локализованы и указывать на место контакта. В литературе по истории венгерского языка за последние сто лет несколько исследователей сформировали мнение о языковых условиях периода, опираясь на топонимы, среди которых особое внимание уделялось слою славянских топонимов. Среди ранних обзорных работ можно выделить работы Й. Мелиха „Венгрия во время завоевания” (Melich, 1925–1929) и И. Книежи „Народ Венгрии в XI веке” (Kniezsa, 1938). Книежа (Kniezsa, 1938, с. 370) для того, чтобы доказать, какие этнические группы проживали в Карпатском бассейне в XI веке, использовал исторические и археологические свидетельства, а также лингвистические данные и аргументы, особенно географические и личные имена, найденные в дипломах XI и XII веков. Основным результатом его исследования можно резюмировать тем фактом, что в XI веке на территории Венгерского Королевства жили два народа, которые были сосредоточены замкнутыми массами на больших территориях, а именно венгерский и славянский (Kniezsa, 1938, сс. 452–456). Однако данные, на которых основано исследование, методы анализа и соответствующие выводы также могут подвергаться критике на основе современных научных знаний.

В своем исследовании под названием „Народы Венгрии в эпоху Святого Стефана” Кришто (Kristó, 2000), ссылаясь на более раннюю работу Книежи, критически проанализировал исторические, археологические и лингвистические свидетельства своего предшественника. В целом он считал, что, поскольку исследование Книежи на самом деле не ограничивалось XI веком (оно также охватывало X и XIII века), также содержало методологические проблемы, поэтому было менее подходящим для получения достоверной и надежной картины этнической принадлежности XI века (Kristó, 2000, сс. 10). Кришто использовал четыре диплома эпохи Иштвана I (997–1038) и четыре диплома второй половины XI века (1055, 1061, 1067, 1075). По своему языковому происхождению почти полсотни географических названий четырех дипломов со времен Иштвана I были классифицированы следующим образом: 36% венгерские, 45% славянские, 15% тюркские, 4% немецкие (Kristó, 2000, с. 19). На основании этого и топонимов второй половины XI века был сделан вывод, что в начале XI века самой многочисленной группой в Карпатском бассейне были славяно-говорящие, за которыми следовали венгры, гораздо меньше тюркских и немецких народностей (Kristó, 2000, сс. 27, 41–42).

Аналитические процедуры Кришта также спорные по нескольким пунктам, в связи с чем Гоффманн и Тот опубликовали всеобъемлющую критику в 2016 году. Они возражали против принципа, согласно которому этимологические пропорции топонимов прямо соответствовали этническим пропорциям. Повторяющаяся проблема в исследованиях, изучающих взаимосвязь между географическими названиями и историей населения, что они не делают различий между дающими имена местам и пользователями этих имен. Тем не менее, наименование могло произойти на столетия раньше, чем возникновение диплома. Поэтому мы можем делать выводы о языке именователей, основываясь на этимологии имени, но не на времени акта наименования или лингвистических условиях того периода, когда диплом был выдан. С другой стороны, звуковая форма данных имен, записанных в дипломе, может дать возможность определить пользователей имен на момент создания диплома (Hoffmann & Tóth, 2016, с. 269).

Поэтому Гоффманн и Тот предложили переосмыслить принципы исследования: разделить именователей и пользователей имен; абсолютную хронологию (желающую определить точное время образования), заменить методом относительной хронологии; а также учесть социолингвистические факторы. Также следует иметь в виду, что интерпретация названий не имеет одинаковой доказательной ценности (Hoffmann et al., 2018, сс. 464–465). Следует проявлять осторожность с данными, которые встречаются только один раз (с. 465). Классификация топонимов, образованных на основе личных имен, также может привести к неверным этимологическим выводам. Происхождение личного имени не может быть связано механически и напрямую с языком человека или с языком населения поселения, носящего его имя (Hoffmann, Tóth, 2016, сс. 299–303).

3. Изучение географических названий переписи Баконьбельского монастыря

3.1. Метод реконструкции топонимов

Прежде чем перейти к представлению диплома и анализу номенклатуры, необходимо кратко описать принципы реконструкции топонима вместе с ограничениями его применимости. В отличие от методологии традиционной этимологии, это многомерное исследование, в котором определение этимона является лишь одним из элементов, имеет несколько преимуществ, которые особенно важны для лингвистической и этнической реконструкции (подробное описание процедуры см. Hoffmann et al., 2018, сс. 135–148; Tóth, 2019).

- (1) Имя должно оцениваться в среде его источника (в дипломе). Это включает проверку самого диплома, особенностей написания диплома, латинского контекста географического имени, так как все это может повлиять на интерпретацию имени.
- (2) Все данные также должны быть изучены как часть серии данных для этого места. Полный набор данных может быть составлен, если местоположение может быть точно идентифицировано, поэтому локализация также является важной частью анализа. В этом процессе данные живого языка также могут преподнести урок. Знание и хронология вариантов имени могут быть полезны, потому что мы можем вывести из них пользователей имени, и возможную языковую адаптацию.
- (3) Стоит собрать все упоминания имени в Карпатском бассейне. Пространственные и хронологические характеристики имени также могут предоставить информацию относительно наименования и использования имени.
- (4) Имя должно рассматриваться не только среди этимологически связанных с ним имен, но также как элемент его семантической категории, его типа.
- (5) Наконец, следует изучить реалии обозначения (т.е. природно-географический и социальный фон места) и среду топонима (т. е. другие топонимы около данной территории).

3.2. Ознакомление с дипломом

Кришто (2000) не использовал топонимию переписи Баконьбельского монастыря 1086 года во время обзора второй половины XI века, несмотря на возможность получить достоверные данные.

Перепись бенедиктинского монастыря состоит из 4 частей (1086/около XI в./XII–XIII в./XIII в.), из которых часть 1086 года является подлинной, позже она была дополнена еще тремя дополнениями (ДНА., сс. 247–260). Мой анализ охватывает только первую часть, поскольку она, помимо содержания достоверных данных, может быть сопоставима с выводами относительно географических названий других дипломов XI века. Баконьбельское аббатство расположено в Центральной Задунайской области, к северу от озера Балатон, в горах Баконь, в округе Веспрем. Значительная часть упомянутых в хартии поместий окружает аббатство в радиусе примерно 30–35 км. Немного более отдаленные поместья расположены в прилегающих частях соседних уездов. Таким образом, топонимы диплома предоставляют материал по территории Задунайского региона.

Первая часть латинского диплома содержит 68 упоминаний географических названий на венгерском языке, что указывает на 56 объектов. В переписи существует довольно много имен собственных и имен нарицательных, восходящих к славянскому этимону, но после тщательного рассмотрения можем сказать, что в 5 из 56 имен более или менее вероятна возможность славянского именованья или посредничества: 2 гидронима (*Gerence, Marcal*), 3 названия населенных пунктов (*Paloznak, Peresztég, Vindornya*). Используя метод реконструкции географических названий, я рассматриваю эти названия с точки зрения их доказательной ценности при установлении языковых условий.

3.3. Анализ географических названий диплома

3.3.1. Топонимы образованные по венгерскому грамматическому методу

Славянское имя нарицательное или имя собственное служит основой топонима, на базе которого с помощью какого-либо венгерского грамматического инструмента было создано географическое название: эти имена, несомненно, могут считаться результатом венгерского

именования (ср. Hoffmann, Tóth, 2016, сс. 268, 272). В первой части переписи здесь могут быть перечислены следующие имена: *Huzeu brazda* (ср. со словацким, словенским словом *brázda* ‘бороздка’), *Seę sec fehe* (ср. со сербохорватскими топонимами *Sísek, Sísak*; FNESz. *Sziszek*), *Qupis uta* (ср. с личными именами: старопольский *Cupysz, Kupysch*; Taszycki, 1971, с. 203). Все они представляют собой синтагмы, состоящие из двух лексем, один из членов которых является славянским заимствованным словом, но происхождение этого слова является обстоятельством, не зависящим от акта именования, дающие имена использовали его как элемент венгерского языка при наименовании.

3.3.2. Имя нарицательное славянского происхождения в функции топонима

Заимствованные слова из славянских языков XI века явно указывают на факт общения славяно-венгерского населения. Заимствованные слова также стали подходящими для создания географических названий. Такие топонимы, которые идентичны имени нарицательному, теоретически могут быть созданы на основе славянского заимствованного слова, установленного в венгерском языке, или путем принятия славянского топонима. В этих случаях нам нужно будет решить, на каком языке произошло становление географического названия: на венгерском или славянском? Это решение важно, потому что только в последнем случае, в случае заимствованных топонимов, можем рассчитывать на славяно-язычное население в данном районе во время называния. А в то время венгерское наименование не предполагает славянское население (ср. Hoffmann, Tóth, 2016, с. 268).

Из топонимических материалов переписи название поселения *Dinnye* (1086: *Dinna*, ДНА., с. 252), вероятно, соответствует славянскому слову *дыня*. В венгерском языке это слово имеет разговорный оттенок, его первая зарегистрированная общая форма возникла около 1395 года: *dÿne* (EWUng.). Позднее появление общего слова в источниках в конце XIV века не исключает возможности венгерского наименования, так как наиболее распространенные имена нарицательные обычно давались как имена собственные на несколько веков раньше. Согласно FNESz. название поселения *Dinnye* в уезде Комаром образовалось от названия

растения. Предположительно, это могло служить названием земли, используемой для выращивания растения (ср. EWUng. объясняет данные 1086 года как ‘Melonenfeld’, то есть ‘поле дыни’). Среди односоставных бесформантных названий поселений вторая наименьшая группа (с соотношением 16%) состоит из тех же названий на венгерском языке, что и лексема, относящаяся к окружающей среде (в основном названия растений и животных): например, *Jegenye*, *Nyír*, *Gyümölcsény*, *Körtvély*, *Berkenye*, *Szőlő* (Hoffmann et al., 2018, сс. 334–335), название поместья *Dinnye* также может вписаться в их ряд. В венгерском языке географические названия от слова *dinnye* прямо или косвенно образовались и в других местах: *Dinnyeberki* (1305/1320/1372: *Dinneberki*, 1328: *Dennaberke*, Gy. 1., с. 297), *Dinnyésmed* (1426: *Dynesmed*, FNESz.). Про возможность передачи личного имени также может идти речь, однако личные имена времен Арпада (ÁSz.) не содержали такого имени, поэтому шансы на это невелики (возможно, см. 1449: Johannes *Dina*, N. Fodor, 2010, с. 83). В дополнение к венгерским народным данным и аналогиям с венгерскими топонимами вероятность прямого заимствования славянской топонимии также мала, потому что это слово не было обнаружено как топоним в рассмотренных славянских источниках.

3.3.3. Топоним, образованный от славянского личного имени без форманта

Топонимы, созданные без форманта от личного имени, в ономастической литературе долгое время считались происходящими от венгерского наименования – даже если основное слово оказывалось иностранного происхождения – тем не менее, использовались для лингвистической и этнической реконструкции (см. Kristó, 2000). Таким образом, топонимы, созданные без форманта от личного имени славянского (или другого) происхождения свидетельствуют о венгерских наименователях. Следует сделать дополнения, касающиеся использования личных имен (и топонимов, образованных от славянского личного имени без форманта) в этнических выводах. Одно дополнение связано с социологическим фоном именования. В создании ранних древневенгерских ойконимов индивидуальный и сознательный компонент в акте наименования мог сыграть значительную роль (см. Hoffmann, Tóth, 2016, сс. 265–268). Это

означает, что не всегда возможно вывести язык жителей данного района по происхождению названия поселения, поскольку название раскрывает в первую очередь языковую ситуацию человека (владельца). С другой стороны, личное именование и употребление носят культурный характер и находятся под влиянием моды эпохи, поэтому языковое происхождение имени не может быть механически связано с языком носителя имени. Таким образом, этимология личных имен, на которых основаны географические названия, не может быть использована при лингвистической реконструкции данной территории.

Общепринятая идея о том, что в Карпатском бассейне и регионе топонимы, созданные от антропонима без форманта, типичны только в венгерской системе названий, недавно была рассмотрена Тот (Tóth, 2017, сс. 77–82). Согласно ее данным, славянский суффикс *-jъ мог также создавать топонимы, звуковая форма которых (с потерей суффикса, и из-за звуковых изменений) совпадала с исходным личным именем, поэтому в некоторых славянских языках также можно найти тип топонима, совпадающего с основным антропонимом. Отсюда следует, что нельзя однозначно утверждать, что все топонимы в той же форме, что и славянские личные имена, произошли от венгерского наименования, хотя в большинстве случаев это действительно так. В этом вопросе необходимо учитывать, что наиболее распространенным типом венгерского ойконима в ранний древневенгерский период является группа, образованная отантропонимных образований без формантов, напротив, в славянских языках топонимы, образованные от личного имени с суффиксом *-jъ, вовсе не имеют решающего значения (ср. Rospond, 1983).

Среди топонимов переписи можно проследить происхождение от славянского личного имени: *Veszprém* (1086: *Brezprem*, DHA., с. 252; ср. с личными именами: чешский *Bezprěm*, FNESz.; польский *Bezprzem*, *Bezprzym*, Taszycki, 1965, с. 129) и, возможно, *Porva* (1086: *Purua*, DHA., с. 251; ср. с личными именами: сербско-хорватский *Prva*, FNESz.; польский *Porawa*, Taszycki, 1974–1976, с. 188). (В случае *Purua* также возникла возможность заимствования славянского топонима.) *Veszprém* служил основой при образовании отантропонимных топонимов того периода (1237/1320: *Bezberen*, ÁSz., с. 122), в то время как *Porva* – нет.

3.3.4. Славянские топонимы

Среди славянских топонимов переписи есть имена, связанные со славянским наименованием (*Gerence, Paloznak, Peresztteg, Vindornya?*), также есть одно имя индоевропейского происхождения, опосредованное славянами (*Marcal*).

Marcal – это название реки из древности, его этимологией может быть иллирийское **murs-* ‘болото’, употребленное в уменьшительной форме (Kiss, 1999, с. 143; Bilchmeier, 2017). Название *Marcal* было передано венграм через славянским населением, проживавшим здесь во время завоевания, вместе с несколькими другими названиями рек Паннонии (Kiss, 1997, с. 190). Кишш принял славянские формы **Mърselъ ~ *Murselъ* в качестве прямых предшественников венгерского гидронима (Kiss, 1999, сс. 142–143; см. еще Melich, 1925–1929, с. 413). Дату заимствования имени определить невозможно, оно могло быть перенесено намного раньше, чем фигурировало в дипломах не на латыни. Самые ранние данные о *Marcal* можно прочесть в переписи Баконьбельского монастыря как *Murzol*. В заимствованных славянских местоимениях финаль слова *ъ*, возможно, не произносилась венгерскими славянами в конце XI века, но если это так, то на венгерском языке исчезновение конечных гласных также свидетельствует о продвинутом состоянии. Предполагаемый славянский *ъ* обычно заменялся на *и* в венгерском языке (Décsy, 1958, с. 384), как и здесь. Кроме того, фонетическое выравнивание может также свидетельствовать о венгерских пользователях имен.

Gerence (1086: ad torrentem *Grenice*, ДНА., с. 251) – это название ручья в горах Баконь, который также протекает через центр монастыря. Название также можно встретить в поздних источниках: 1086/1456: *Gremse* (ДНА., с. 259), 1249: *Grenche* (PRT. 8., с. 291), 1782–1785: *Gerentsche* (ЕКФ.), 1857: *Gerencze* (МКФТ.), 1869–1887: *Gerence, Gerencze* (НКФ.), 1941: *Gerence, Gerence-p.* (МКФ.), 2000: *Gërince, Gërence* (VeMFN. 4: с. 103). Венгерская *Grenice* является заимствованием славянского топонима **Granica*, который произошел от славянского имени нарицательного *granica* ‘граница’ (Melich, 1925–1929, с. 381; FNEsz.; ср. ESSJ. 7, сс. 106–107). В большинстве славянских языков – южных, западных и восточных славян – также можно найти это название в качестве топонима: болгарская *Граница*, сербо-хорватская *Granica*, словенская *Granica*, словацкое *Hraničné*, чешская *Hranička*, сербская *Hranca*, польский *Granicznik*, русская *Граничная* (Šmilauer, 1970,

сс. 71–72). В графстве Пожега находится еще одно такое название реки (1272: *fluvius Granicha*, Melich, 1925–1929, с. 381). Слово в славянских языках означает ‘граница’, но также может быть пограничным деревом, например, дубом (ESSJ, 7, сс. 106–107). По сравнению с первичной славянской формой *Granica*, первые данные ручья в горах Баконь (*Grenice*, *Grence*) отражают венгерское использование имен в XI веке: звуки переднего ряда и выпадение гласных в середине слова также указывают на это (см. *Granica* > *Grenice* > *Grence* ~ *Gremce* > *Gerence*). Название графства Пожега претерпело такое же фонетическое изменение (1314: *Graynche*, 1424: *Gerence*, 1471: *Grencze*; Cs. 2., с. 410). Несколько гидронимов в этом районе, в частности притоки реки Marcal, имеют славянское происхождение: *Torna*, *Tapolca* и, вероятно, также *Bitva* (FNESz.; Hoffmann, 2017, с. 138). Согласно Мелиху (Melich, 1925–1929, с. 379) и Книеже (Kniezsa, 1938, с. 401), это название могло существовать уже в IX веке, и Кишш (Kiss, 1999, с. 98) перечислил его среди субстратных названий в слое славянских гидронимов, появившихся до завоевания. Согласно Гоффманну (Hoffmann, 2017, сс. 140, 147), несмотря на то, что хронология Мелиха не может считаться обоснованной с точки зрения лингвистической истории, нельзя исключать, что венгры взяли название водного объекта от славянских народов, найденных здесь во время их поселения. Ни время возникновения этого названия, ни время, когда оно вошло в венгерский язык, не могут быть точно определены. Основываясь на звуковой структуре названия, можно утверждать, что в XI веке здесь могло проживать венгероязычное население, что также подтверждается тем фактом, что все остальные микротопонимы, упомянутые в хартии вокруг ручья *Gerence* и монастыря, являются результатом венгерского наименования.

Paloznak (1086: *Ploznic*, ДНА., с. 253) является собственностью аббатства Баконьбель в современном регионе Веспрем. В этимологической литературе было предпринято несколько попыток расшифровать имя: от славянского личного имени путем венгерского наименования или непосредственно из славянской топонимии. Согласно Мелиху (Melich, 1931, сс. 151–152), славянское личное имя, **Polazъnikъ* происходит от славянского глагола **polaziti* ‘ползать, ходить’ > ‘посещать, приветствовать, спрашивать’ > ‘встречать на Рождество’, которое перешло в венгерский язык, и от него произошел венгерский топоним *Paloznak*. Это происхождение было признано также Паишом (Pais, 1939, с. 15). Для усиления объяснения топонима было бы важно указать такое личное

имя как на славянском, так и на венгерском языках: в Средневековье на венгерском языке такого личного имени не существовало (ÁSz.), о славянских личных именах см. сербохорватский *Plaznik* (FNESz.). Книежа (Kniezsa, 1947, с. 141), хотя и не исключал объяснения Мелиха, предложил другое. Согласно Мелиху, его этимология имеет две слабые стороны: во-первых, это слово не может быть определено как личное имя; во вторых – гласный второго слога самых ранних венгерских данных (1002 е./1109: *πωλοσνίκου*, ÓMOlv., с. 15), который, по его мнению, трудно объяснить на основе формы **polazъnikъ*. Книежа (Kniezsa, 1947, с. 141) считает, что географическое название происходит от славянского слова **po-loz-ъnikъ*, получившего начало от славянского топонима *Poloznik*: лоза 'виноградник; ива' + суффикс *-ъникъ* > лоз + *-ъникъ* 'место, где росли виноградные лозы или ивы' > *po-* + *лозьникъ* 'рядом с виноградниками'. От слова *loza* образовались топонимы в большинстве славянских языков: *Лозен* на болгарском, *Lozine* на сербо-хорватском, *Loza* на чешском, *Лозовка* на русском (Šmilauer, 1970, с. 114). А сербский топоним (*Poloznik*), который точно соответствует венгерскому названию, также можно обнаружить у реки Дрина (Kniezsa, 1947, с. 141). Предлог *po-* 'около, вдоль' – распространенный топоформант в славянской топонимии (Šmilauer, 1970, с. 144). На мой взгляд, к этим славянским топонимам может быть отнесен и венгерский *Paloznak*.

Первое упоминание топонима происходит в ранней грамоте на греческом языке (1002 е./1109: *πωλοσνίκου*, ÓMOlv., с. 15), предположительно [*polozniku*], в котором *ъ* в конце слова, возможно, соответствует венгерское *u* (Pais, 1939, с. 15). Более поздние упоминания, относящиеся к последней четверти XI века, больше не обозначают этот гласный (1079: *poloznic*, ДНА., с. 225; 1082/1327: *Paloznok*, *Poloznok*, Melich, 1931, с. 151; 1086: *Ploznic*, ДНА., с. 253; 1109: in villa *polofinic*, ÓMOlv., с. 17). Исходя из приведенных выше объяснений имен, первоначальное славянское имя могло быть **polazъnikъ* или **polozъnikъ*. Основываясь на этих этимологических исследованиях, форма *Ploznic*, которая начинается с сочетания согласных *pl-*, вряд ли может быть объяснена, поскольку потеря гласного в первом слоге в венгерском языке не очень вероятна. Похожий феномен – этимологически неоправданное стечение – можно увидеть в некоторых других географических названиях хартии: *Brezprem*, *Clun* (ДНА., с. 253). Это явление может быть вызвано несколькими причинами: 1. опечатки (но этому, кажется, противоречат другие имена в дипломе,

которые показывают стечение согласных в начале слова), 2. аналогичный эффект других имен собственных. Что касается порядка звучания названия, мы видим следующее. В ранних данных, до XII века, преобладали смешанные формы (1002 е./1109: *πωλοσνίκου*, ÓMOLv., с. 15; 1079: *poloznic*, 1086: *Ploznic*, ДНА., сс. 225, 253; 1109: in villa *polosinic*, ÓMOLv., с. 17). Первая форма с использованием гласных заднего ряда появилась в грамоте 1082/1327: *Paloznok*, *Poloznok* (Melich, 1931, с. 151). Начиная с XIII века, имена, содержащие только гласные заднего ряда, стали доминировать (+1037 [1240 е.]/1330: *Poloznuk*, ДНА., с. 118; 1217: *Polosnuc*, VO., с. 35; 1086/1368: *Palaznuk*, 1229: *Polusnak*, ДНА., сс. 260, 152; 1304: *Palaznuk*, *Poloznuk*, Cs. 3, с. 92), но есть и редкие примеры форм, содержащие звук *i* (1240: *Poloznik*, 1296: *Poluznik*, Melich, 1931, с. 151; 1383: *Poloznyk*, ДНА., с. 375). В источниках XIV века мы находим формы с гласными заднего ряда: 1305: *Poluznuk* (Мелих, 1931, с. 151); 1312: *Poloznuk*, 1323: *Poloznok*, 1330: *Palaznuk* (Cs. 3, с. 92); 1387: *Palaznok* (Cs. 3, с. 44); 1422: *Palaznak* (ДНА., с. 377); 1550: *Paloznak* (PRT. 8, с. 588). Фонетически сбалансированные формы имен определенно указывают на использование венгерских имен, в то время как окончание *-nik* является славянским, но эти формы также не исключают использование венгерских имен.

К сожалению, мы не смогли подтвердить происхождение названия, но, исходя из приведенных аргументов, более вероятным кажется славянское заимствование. В некоторых данных об именах мы можем видеть признаки использования славянских имен, например смешанная по звучанию и содержащая стечение согласных форма *Ploznic*, в то время как в других есть признаки использования венгерского имени: в виде форм, отражающих выравнивание фонетического порядка и содержащих гласные разных рядов (*Poloznuk* ~ *Poloznok* ~ *Paloznak*).

Pereszteg (1086: In *Prez(t)eg*, ДНА., с. 252), название поселения, вероятно, имеет славянское происхождение. Согласно Мелиху (Melich, 1903–1905, с. 124) или составу **prě-* ‘через’ + **stьg* ~ **steg* ‘путь’; или восходит к глаголу **pristegnuti* ‘прикреплять’. К первой интерпретации Мелиха, Надь (Nagy, 1971, с. 203) добавляет, что через деревню раньше проходили важные торговые пути. Книежа (Kniezsa, 1938, с. 468) и Кишш (FNESz.) также считали, что название поселения имеет славянское происхождение, но его точный источник не был установлен. Похожий топоним встречается в сербско-хорватском языке *Pristeg* (FNESz.). Славянское происхождение также возможно из-за его фонетической формы и славянской топонимической

аналогии. Топоним встречается в источниках в различных формах. Начиная с XIII века, данные свидетельствуют о разрешении стечения согласных в начале слова: 1268, 1275, 1292, 1314: *Perezteg* (Cs. 2., с. 784) и т. д. В дополнение к хартии 1086 года имя появляется в расшифровке 1368 года со стечением согласных: 1086/1368: *Prezteg* (ДНА., с. 260). Звонкий *-g* в произношении мог стать глухим: 1314: *Pereztek*, 1455: *Wamosperezlek* (Cs. 2, с. 784), *-szt-* в середине слова с начала XV века также встречается в форме *-szl-*: 1408: *Zenthvrehperezlege* et *Pereslegfew*, 1464: *Perezleg* (Cs. 2, с. 784). Есть также примеры имен нарицательных (*porosztó > poroszló*, *zásztó > zászló*; TESz.) и топонимов (*Nosztóp > Noszlop*, FNESz.) для изменения и чередования *-szt-> -szl-*. В случае исследуемого имени форма, содержащая *-szt-* окончательно стабилизировалась. Основываясь на форме *Prezteg* XI века, невозможно определить пользователей топонима, ими могли быть как славяне, так и венгры.

Vindornya (1086: in *Uuindirn(a)*, ДНА., с. 253), название поселения, согласно Кишшу (FNESz.), произошло от латинского *vinitor ~ vinidor* ‘виноградарь’, со славянским суффиксом *-nja*. В дополнении XIII века к хартии также говорится, что в указанном имении было четыре виноградника и виноградаря (ДНА., с. 255). Кишш (FNESz.) считает, что более поздний вариант названия поселения *Vindornyaszőlős ~ Szőlősvindornya* (1274: *Vyndurna Sceuleus*, 1501: *Wyndornazelews*, Cs. 3, с. 113; 1550: *Scewlewsyndorna*, PRT. 8, с. 589) также подтверждается семантическим содержанием этой формы, см. венгерское слово *szőlő* ‘виноград’. В согласовании также нет значительных фонологических трудностей: мы можем ожидать формы *Vindurnya ~ Vindornya* от предполагаемой формы **Vinidornya* в венгерском языке, из-за тенденции к открытым двуслогам (1086/+13. sz.: *Uindurna*, ДНА., с. 255; +1135 [1249]: *Vindurna*, PRT. 8, с. 273 и т. д.). Однако в некоторых данных ранних названий мы встречаем форму с иллабиальными гласными (1086: *Uuindirn(a)*, 1086/1368: *Wintyrna*, ДНА., сс. 253, 260; 1382: *Vinderna*, Cs. 3., с. 77), но чередование буквенных обозначений *i ~ u* (возможно, слуховых) довольно часто встречается в источниках. Кстати, суффикс *-nya*, *-nye* не редкость в конце общеупотребительных слов, заимствованных от славян (*cseresznye*, *tanya* и т. д., EWUng.). Исходя из всего этого, есть серьезные аргументы в пользу возможности славянского этимона. Однако у теории есть и слабость, а именно – аналогии со славянскими географическими названиями не могут подтвердить интерпретацию названия. Хотя многие топонимы образовались от

общего названия *vinо* 'вино' на славянском языке, а *-ъна*, *-ъна* также используется в качестве топоформанта на славянском языке, основное слово, предположенное Кишш, и названия, производные от него, не могут быть обнаружены (Šmilauer, 1970, сс. 28, 190).

Данные подтверждают, что название места произошло от гидронима посредством метонимии. Самая многочисленная группа названий поселений образована от гидронимов, содержащих название ручья без форманта (Hoffmann et al., 2018, с. 342), *Vindornya* также может быть зачислено к ним, что в данном случае выражает локальные отношения с семантической точки зрения. Водоток, текущий к северу от поселения и впадающий около Виндорняфок в ручей Дьёндьёш, также называется *Vindornya*: 1227: *Vundurna* (FNESz.), 1227: *iuxta Windurnam* (VOS., с. 78), 1382: *iuxta Vinderna* (Cs. 3., с. 77), 1858: *Vindornia patak* (Kat.). Ручей также протекает около двух соседних поселений, Виндорняфок и Виндорнялак (Kat., НКФ.). Название водного объекта также упоминается в их названиях, но согласно хронологии данных, *Fok* и *Lak* были основными названиями поселений, которые только в XVI веке были дополнены компонентом *Vindornya*- (1408: *Fok* > 1548: *Vindornaffok*; 1358: *Lak* > 1558: *Wyndorna Lak*, FNESz.). Напротив, первоначальное название исследованного поселения – *Vindornya*. Мы не можем четко заявить о направлении метонимии, но некоторые факторы могут служить руководством при решении вопроса. Согласно литературным данным, аргументом за направление: название водного объекта → название поселения может служить факт, что несколько поселений рядом с водным объектом носят гидроним (Hoffmann et al., 2018, сс. 342–343), что можно наблюдать и в этом случае.

3.4. Выводы по результатам топонимического материала переписи

Таким образом, анализ названий может помочь определить наименователей, но, поскольку время самого наименования нельзя определить на основании диплома, можем сделать вывод разве что об актуальных условиях использования имени.

Анализируя слои топонимов переписи 1086 года по их происхождению, мы видим, что в 5 из 56 названий серьезно возникает возможность заимствования из иностранного языка. *Marcal* попал в венгерский через славян, *Gerence* может быть связан со славянскими наименователями,

анализ имен также показал, что использование венгерских имен в XI веке может быть установлено для обоих. Из трех названий поселений славянское происхождение топонима кажется очень вероятным в случае *Paloznak*, а в случае данных названий 1086 г. (и некоторых более ранних) мы также можем увидеть признаки использования славянских названий. *Pereszteg* также является подтвержденным славянским топонимом, но, основываясь на форме *Pereszteg* XI века, диапазон имен пользователей не может быть определен. В случае *Vindornya* заимствование вероятно, но отсутствие аналогий со славянскими топонимами ослабляет интерпретацию названия, а в случае названия поселения возможность образования от гидронима с помощью метонимии также вероятна.

Корпус диплома 1086 года содержит 56 географических названий, из которых только 35 (62,5%) имеют определенное венгерское и 4 (7%) определенное славянское объяснение. С венгерскими наименователями связаны следующие: ойконимы – *Cupan, Quiar, Panauuadi, Ketel loca, Forkosig, Nemti, Brezprem, Dinna, Zalamadi, Ocol, Felduuar, Tuel, Mogos, Bulda, Nulu, Tarian, Nandurdi, Arpas*; гидронимы – *Tuhut sedu, Fizeg, Arpas, Veieztue, Scequ*; микротопонимы – *Qumlououzou, Chigisti, theluch, Churchufeu, Hassag, huzeu brazda, humuch aruk, Seę sec feęę, Lessu, Qupis uta, (Q)uoasseg, Bik zadu*. Гидронимы *Grenicę* и *Murzol*, а также ойконимы *Ploznic* и *Prezteg* имеют иностранное (славянское) происхождение. 21,5% топонимов (12 названий) можно объяснить несколькими способами: названия населенных пунктов *Bel(iensis), Purua, Keseih, Clun, Uuertis, Zaczardi, Hongin, Brihin, Sumig, Uuindurn(a)*, название горы *Bokon*, гидроним *Kýris*. Большая часть группы топонимов неопределенного происхождения может также принадлежать к названиям венгерского происхождения, поскольку неопределенность касается только способа наименования в венгерском языке (например, название поселения *Hongin* могло быть образовано от личного имени или гидронима), и только в случае 4 имен может рассматриваться заимствование (с большей вероятностью для *Uuindurn(a), Purua*; с гораздо меньшей для *Bel(iensis), Kýris*). 9% названий (5 названий) имеют неизвестное происхождение, большинство из них единичные, их более поздние данные не известны, иногда их локализация вызывает сомнения: ойконимы *Soriul, Kigouis*; микротопонимы *Tugut, Kiguida, Vrtem*.

3.5. Сравнение с номенклатурой других дипломов XI века

Анализ топонимического материала переписи Баконьбельского монастыря, который, таким образом, дает выводы для Центрального Задунайского региона, показывает те же результаты для иностранных имен, что и другие, недавно проанализированные и пересмотренные дипломы XI века. Основываясь на корпусе четырех дипломов со времен Стефана I (1001–1038), Поцош (Róczos, 2019, с. 9) получила следующие результаты: 34% венгерских, 8% славянских, 4% латинских, 54% имен неопределенного происхождения. Названия иностранного происхождения присутствуют в меньшей пропорции в хартии Тиханьского аббатства 1055 года и в хартии Саздского аббатства 1067 года: 2 из 82 географических названий (2,5%) (Hoffmann, 2010, с. 23), и 1 из 33 (3%) (Kovács, 2018, сс. 106–107, 110) соответственно имеют славянское происхождение. 16% топонимического материала грамоты аббатства в Гронски-Бенядике 1075 года имеет славянское происхождение (Szőke, 2015; Kovács, 2018, с. 110). Это может быть связано с расположением района – славянские названия засвидетельствованы в уездах Барш, Нитра, Эстергом, Комаром, Ноград, Чонград, то есть на окраинах венгероязычной территории, где численность славянского населения могла быть высшей (Szőke, 2015; Kovács, 2018, с. 110).

4. Резюме

Из имен нарицательных, личных имен и географических названий последние являются наиболее подходящими для получения выводов о языковых условиях того или иного времени, однако есть несколько ограничений для использования данного метода (более подробную информацию см. Róczos, 2019).

С одной стороны, известна лишь небольшая часть топонимического материала XI века, корпус, который можно исследовать, не отражает адекватно весь состав. С другой стороны, невозможно вывести лингвистические отношения непосредственно из одной этимологии, и частые

этимологические неопределенности также затрудняют исследование (см. высокую долю имен неопределенного и неизвестного происхождения). К заключениям, основанным на фонетическом статусе, будь то касательно времени заимствования или касательно пользователей имен, по ряду причин (фонетическая неопределенность и длительные фонологические изменения и пространственные вариации), следует относиться с осторожностью. В дополнение к этому, языковое влияние автора, коммуникативные и социолингвистические аспекты (например, лингвистический престиж) также могут вносить нюансы в картину, о которой у нас очень мало информации о времени.

Тем не менее, важно рассмотреть самые ранние памятники, потому что, как показало сравнение с результатами и выводами Книежи или Кришта, это может помочь прояснить предыдущие заблуждения, выявить методологические ошибки и увеличить число достоверных данных и этимологий о географических названиях XI века, в случае данного диплома – для Центрального Задунайского региона.

Литература

- ÁSz. = Fehértói, K. (2004). *Árpád-kori személynévtár. 1000–1301*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bichlmeier, H. (2017). Néhány megjegyzés a pannóniai víznevek legrégebb rétegéhez II. Drau/Dráva és Raab/Rába. *Névtani Értesítő*, 39, 55–67.
- Cs. = Csánki, D. (1890–1913). *Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában 1–3.*, 5. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Décsy, Gy. (1958). Die Entsprechungen der gemeinslavischen Halbvokale im Finnischen und Ungarischen. *Die Welt der Slaven*, 3, 369–388.
- DHA. = Györfly, Gy. (1992). *Diplomata Hungariae Antiquissima* (т. 1). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- EKF. = *Magyarország (1782–1785) – Első Katonai Felmérés*. <https://maps.arcanum.com/hu/map/firstsurvey-hungary>
- ESSJ. = Trubachev, O. N. (ред.). (1974–). *Etimologičeskij slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskij leksičeskij fond* (т. 1–). Moskva: Nauka [Трубачёв, О. Н. (ред.). (1974–). *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. 1–. Москва: Наука].

- EWUng. = Benkő, L. (Ed.). (1993–1995). *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–II*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- FNESz. = Kiss, L. (1988). *Földrajzi nevek etimológiai szótára* (т. 1–2). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- N. Fodor, J. (2010). *A Felső-Tisza-vidék késő középkori személyneveinek szótára (1401–1526)*. Budapest: ELTE BTK Magyar Nyelvtörténeti, Szociolingvisztikai, Dialektológiai Tanszék.
- Gy. = Györffy, Gy. (1963–1998). *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza* (т. 1–4). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- HKF. = *Habsburg Birodalom (1869–1887) – Harmadik Katonai Felmérés (1:25000)*. <https://maps.arcanum.com/hu/map/thirdsurvey25000>
- Hoffmann, I. (2010). *A Tihanyi alapítólevél mint helynévtörténeti forrás*. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.
- Hoffmann, I. (2017). Bakonyalja etnikai viszonyai a honfoglalást követő évszázadokban. B: R. Hajba, P. Tóth, F. Vörös (ред.), „*ahogy a csillag megy az égen...*” *Köszöntő kötet Molnár Zoltán tiszteletére* (cc. 137–150). Szombathely: Savaria University Press.
- Hoffmann, I., Tóth, V. (2016). A nyelvi és etnikai rekonstrukció kérdései a 11. századi Kárpát-medencében. *Századok*, 150, 257–318.
- Hoffmann, I., Rác, A., & Tóth, V. (2018). *Régi magyar helynévadás. A korai ómagyar kor helynevei mint a nyelvtörténet forrásai*. Budapest: Gondolat Kiadó.
- Kat. = *Habsburg Birodalom — Kataszteri térképek (XIX. század)*. <https://maps.arcanum.com/hu/map/cadastral>
- Kiss, L. (1997). Pannónia helyneveinek kontinuitása. B: L. Kovács & L. Veszprémy (ред.), *Honfoglalás és nyelvészet* (cc. 187–199). Budapest: Balassi Kiadó.
- Kiss, L. (1999). *Történeti vizsgálatok a földrajzi nevek körében*. Piliscsaba: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészettudományi Kar.
- Kniezsa, I. (1938). Magyarország népei a XI.-ik században. B: J. Serédi (ред.), *Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján 2.* (cc. 365–472). Budapest: Szent István Társulat.
- Kniezsa, I. (1947). Padrag, Paloznak. *Magyar Nyelv*, 43, 140–142.
- Kovács, É. (2018). *A Százdi alapítólevél mint helynévtörténeti forrás*. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.
- Kristó, Gy. (2000). Magyarország népei Szent István korában. *Századok*, 134, 3–44.
- Melich, J. (1925–1929). *A honfoglaláskori Magyarország*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Melich, J. (1931). A veszprémi görög oklevélbeli *πωλοσνίκου*. *Magyar Nyelv*, 27, 151–154.
- MKF. = *Magyarország Katonai Felmérése (1941)*. <https://maps.arcanum.com/hu/map/hungary1941>
- MKFT. = *Magyar Királyság (1819–1869) – Második Katonai Felmérés*. <https://maps.arcanum.com/hu/map/secondsurvey-hungary>

- Nagy, F. (1971). A helységnevek humora. *Magyar Nyelv*, 67, 195–203.
- ÓmOlv. = Jakubovich, E., Pais, D. (ред.). (1929). *Ó-magyar olvasókönyv*. Pécs: Danubia.
- Pais, D. (1939). *A veszprémvölgyi apácák görög oklevele mint nyelvi emlék*. Budapest: Magyar Nyelvtudományi Társaság.
- Póczos, R. (2019). A helynevek etnikai forrásértékéhez. *Helynévtörténeti Tanulmányok*, 15, 7–20. <http://doi.org/10.35528/Helynevtort/15/01>
- PRT. = Erdélyi, L., Sörös, P. (Eds.). (1912–1916). *A pannonhalmi Szent-Benedek-Rend története I–XII*. Budapest: Stephaneum.
- Rospond, S. (1983). *Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -jъ*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski.
- Šmilauer, V. (1970). *Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen Toponomastik*. Praha: Academia.
- Szőke, M. (2015). *A garamszentbenedeki apátság alapítólevelének nyelvtörténeti vizsgálata*. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.
- Taszycki, W. (ред.). (1965–1984). *Słownik staropolskich nazw osobowych* (t. 1–7). Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- TESz. = Benkő, L. (ред.). (1967–1976). *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* (t. 1–3). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Tóth, V. (2017). *Személynévi helynévadás az ómagyar korban*. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.
- Tóth, V. (2019). Módszertani problémák a Kárpát-medence régi helyneveinek etimológiai kutatásában. *Helynévtörténeti Tanulmányok*, 15, 21–48. <http://doi.org/10.35528/Helynevtort/15/02>
- VeMFN. 4. = Balogh, L., Ördög, F., Varga, M. (ред.). (2000). *Veszprém megye földrajzi nevei 4. A Veszprémi járás*. Budapest: Magyar Nyelvtudományi Társaság.
- VO. = Gutheil, J. (2007). *Veszprém város okmánytára 1002–1523*. Veszprém: Veszprémi Érseki és Káptalani Levéltár, Veszprémi Érseki Könyvtár.
- VOS. = Érszegi, G., & Solymosi, L. (ред.). (2010). *Veszprém város okmánytára. Pótkötet (1000–1526)*. Veszprém: Veszprémi Érseki és Főkáptalani Levéltár.